4-й ГОД ИЗДАНИЯ № 30 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

АВГУСТ Ленинград, Просп. 25-го Октября, 88. Телефон редакции 5-49-78, конторы 1-38-90 1926 ГОД

САПОГИ В ТРЕСТЕ

Сделки тульского самоварного треста с заграницей расстроились из-за отказа треста поставлять самоварные трубы. В результате самовары поставляет Финляндия. (Из газет)

Рис. Б. Антоновского

— Чудаки, ей богу, эти иностранцы! Подавай им трубы! Нешто сапог не имеют, чтобы самовары раздувать?!

ЛИЦОМ К АЗИИ

Рис. Л. Бродаты

Тов. Малышев: — Прикрыл окно в Европу? Ладно! А мы другое окошечко открыли!

СЛУЧАЙ С ПСИХИАТРОМ

Мосздравом организована клиника по изучению растратчиков. Клиника будет работать при московском уголовном розыске. Первые опыты показали, кого не нужно допускать к денежному ящику.

В клинику вошел человек средних лет с острым взглядом. Врач, заведующий клиникой, устремился к нему навстречу с веселым лицом и ласково сказал:

— Пожалуйте, пожалуйте! Только не беспокойтесь...

— Я и не беспокоюсь...

— И отлично делаете... Чего нас бояться? Мы — медики. Мы — для науки.

Вошедший с удивлением посмотрел на врача и вдруг улыбнулся, как-бы что-то сообразив.

Врач записал:

«Внешность растратчика. Как по внешности, по костюму, по галстуку, по обуви, так и по лицу, и по глазам, и по улыбке совершенно ничем не отличается от человека. Только в походке есть нечто такое, что сразу выдает в нем склонность к растратам. Правая нога стукает увереннее, точно в ней больше силы, чем в левой».

Кончив, он приветливо улыбнулся и сказал, пододвигая лист бумаги и карандаш:

— Напишите несколько слов!

Испытуемый написал. Врач посмотрел и нервно занес на бумагу:

«Буквы неровные. Серое вещество мозга безусловно плохо застывшее. Чувствуется вроде зыби, как на плохо застывшем студне. Твердо выведена только буква «Р», с которой начинается слово «растрата». Вывод ясен: у растратчика мозг склонен к неустойчивости, как у жуликов, воров, кокаинистов и морфинистов. Неустойчивость центра полная».

— А теперь вот пальчик приложите к стеклышку!

— Дактилоскопический снимок? — спросил, лукаво улыбаясь, испытуемый.

— Вы знаете? Ну, да чего тут скрывать! Вы, ведь, человек культурный, учились, ведь?

— Гимназию кончил. В университете был...

— Вот как! Вот сюда пальчик! Так, так, хорошо. Теперь только запишу.

Он записал:

«Линий на пальцах у растратчика очень много. Они пересекаются, что и об'ясняется тем, что у растратчика характер не прямой, а запутанный, и воля у него не прямая, а путанная. От этого и растраты. Принимать на службу казначея или кассира нужно только с прямыми линиями на большом пальце. Еще лучше, чтобы была всего одна линия и совершенно прямая. У всех преступников особая примета, по которой можно сейчас узнать растратчика, — следующая: растратчик учится в гимназии и имеет университетский диплом».

— А теперь повернитесь ко мне спиной.

Испытуемый не успел повернуться, как получил здоровый удар по спине.

— Это что еще за шутки? — вспылил он: — Вы...

— Извините, дорогой! Ради бога, извините! Разве я вас ударил? Наука вас ударила. Я для рефлексии... С рефлекторной целью. Вот только запишу.

Он записал:

«Нервная система растратчика сильно напоминает нервную систему собак (см. труды проф. Павлова). Если нанести неожиданный удар собаке, она тявкнет. При нанесении такого же удара растратчику, он обязательно вскрикнет. Вывод: принимая на службу кассира, необходимо отвлечь чем-нибудь его внимание и трахнуть его по чем попало и чем попало. Если вскрикнет — растратчик».

— Ну-с, а теперь...

Врач отодвинул бумагу.

— Теперь почти кончил... Одна только формальность. Ваша фамилия?

— Моя фамилия?

Испытуемый посмотрел насмешливо на врача.

— Полагаю, что с этого надо было бы начать. Моя фамилия...

Он назвал фамилию... известного ученого психиатра.

— Как? Вы родственник профессора?

— Зачем же родственник? Я сам этот профессор и есть... Зашел посмотреть, как тут у вас поставлено... К сожалению, не успел предупредить... А потом любопытно стало, как у вас выйдет дело.. Должен вам сказать...

Последние слова были сказаны сурово, но, взглянув на врача и увидев его отчаяние, профессор смягчился и шутливо добавил:

— Должен вам сказать, что ваши выводы не совсем уже неточны... У многих из врачей - психиатров есть немножко того, что у вас отмечено... Не унывайте, коллега!

Врач хмуро молчал.

О. Л. Д'Ор

„ЛИЛИЯ КОММУНЫ“

Читатель! Не будем трепаться в грезах,
Возьмем надлежащий суровый тон —
Пусть пишут поэты о кооперативных розах,—
А мы из шипов создадим фельетон.
Всю душу обследуй поперек или вдоль —
В душе — не издевка, а честная боль!

Ждали собрания пайщиков долго,
Наконец, набился в лавку народ.
Катила под окнами мутная Волга,
Зрели хлеба, бахчи, огород...

Дела — до чорта, но выжженный солнцем,
Во имя решения кровных задач,
В погоне за крепким, крестьянским червонцем,
Пришел на собранье волгарь-бородач.

Председатель, уткнувшись в потные лица,
Помахал ручкой: скажу, мол, словцо!
— „Так, мол, и так, сначала — столица,
А там сниженье — и к нам на крыльцо.

Накидка, братцы, раздулась, что жаба...“
— „Пррравильно!“ — крякнули в первом ряду. —
— „Торгуем мы плохо, разбираемся слабо,
Пора постепенно изжить беду...“

— „Шпарь про сниженье!“ — бросили сзади,
Председатель ручкой — мах-мах — скажу!
— „Граждане! пользы пайщиков ради
Вопрос о накидке с наценкой свяжу“.

Народ — на стенку: — „Завяжешь дома!..
Снижай, чорт, цену!! Покажь приказ!!!“
Председатель — мокрый, в глазах — истома...
Два глаза — на сотню свирепых глаз!

Натянулись в лавке терпения струны,
Председатель гаркнул: — „Снижение есть!
В первую очередь с „Лилии Коммуны“
Пудры Рашель—скидка тридцать шесть!!

Во вторую очередь...“
Но было поздно.
Под огромный, страшный человечий вой,
Взметнули пайщики к полкам грозно
И сбросили пудру вниз головой.

. . . .

Несмотря на свой возраст, седой и древний,
Впервые за долгий, предолгий век
Видела Волга, как вскачь по деревне
Осыпанный пудрой бежал человек.

А вывод? Добыт он мной в поте лица:
Начинай сниженье с другого конца!

Александр Флит

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ОЗЕРЕ

Это случилось на озере.

Сначала заметил один и устроился поближе, выжидая, чем это кончится. Потом подошло еще двое.

А через пол часа весь берег был усеян любопытными, оживленно обсуждавшими вопрос:

— Удастся вытащить или нет?

Мнения разделились. Велосипедист, прислонивший свою машину к дереву, был настроен пессимистически. Он говорил:

— Поздно.

Юноша, взобравшийся на дерево, чтобы оттуда было виднее, плевал прямо в воду и горячо возражал, утверждая противное:

— Ничего не поздно. Вытащит! Конечно, если бы раньше, тогда вернее...

— А тут что же — очень глубоко или нет? — раздавался любознательный голос.

— Где там глубоко! Курице по горло!

Толпа прибывала. Извозчик, ехавший мимо порожняком, остановился на всякий случай. Мороженщик протарахтел тележкой и тоже задержался: что бы там ни случилось, а всегда найдутся любители освежиться.

— Ну, как? — нетерпеливо напирали задние ряды.

— Пока еще ничего.

— А кто утонул-то? Купающий или так?

— Неизвестно... Не разберешь...

— Эх, порядки наши! Озеро — вода. Долго ли утонуть, а ни одного этого... спасательного круга! Несознательность!

— Пожарных бы вызвать, с баграми!

Толпа росла.

— Тоже! Пожарных! Тут и без них воды хватит!

— Тащит, тащит! Глядите! — охнули в передних рядах. Задние наперли.

— Граждане! Ой! Ребятенка! Ребятенка не угробьте! Не жмите, ради бога!

— Тащи! Тащи! — кричали передние. — Сорвется... Эх!

— Вытащили? — напирали сзади.

— Где вытащить! Ни чорта не вытащишь! — не унимался велосипедист. — Говорю, поздно. Зря трудится...

— Этакое горе! И помочь некому, и начальства не видно! — охали сзади.

— Идет, идет! Милиционер идет!

— Ну, а что толку?

— Протокол составит. Порядок, все-таки.

— Протокол! Тут помогать надо, а не протокол!

— И поможет: в больницу доставит или что... Пьяных или утоплых — завсегда на извозчике возят бесплатно...

Милиционер сбежал в два прыжка на берег, кинув по пути извозчику, собравшемуся, было, улепетнуть:

— Обожди! Отвезешь!

И в эту минуту я сказал с бешенством, отвечая велосипедисту:

— Действительно, поздно. Нужно выходить часа в три утра, покуда народ не шляется...

И принялся сматывать удочку.

С тех пор я ловлю рыбу только на рассвете.

Ив. Прутков

КОМФОРТАБЕЛЬНОСТЬ—НЕ КО ВРЕМЕНИ

У ленингр. тов. биржи все—шикарно. Будки телефонные из карельской березы. Уборные—и те обставлены лучшими шлифованными зеркалами, по 60 руб. штука.

(«Лен. Правда» от 4/VII)

Рис. Н. Г.

— Вот тут, наверно, сам комиссар и живет! Шикарная комнатка!

— Шикарно-то шикарно, да помещенье, дедушка, махонькое!

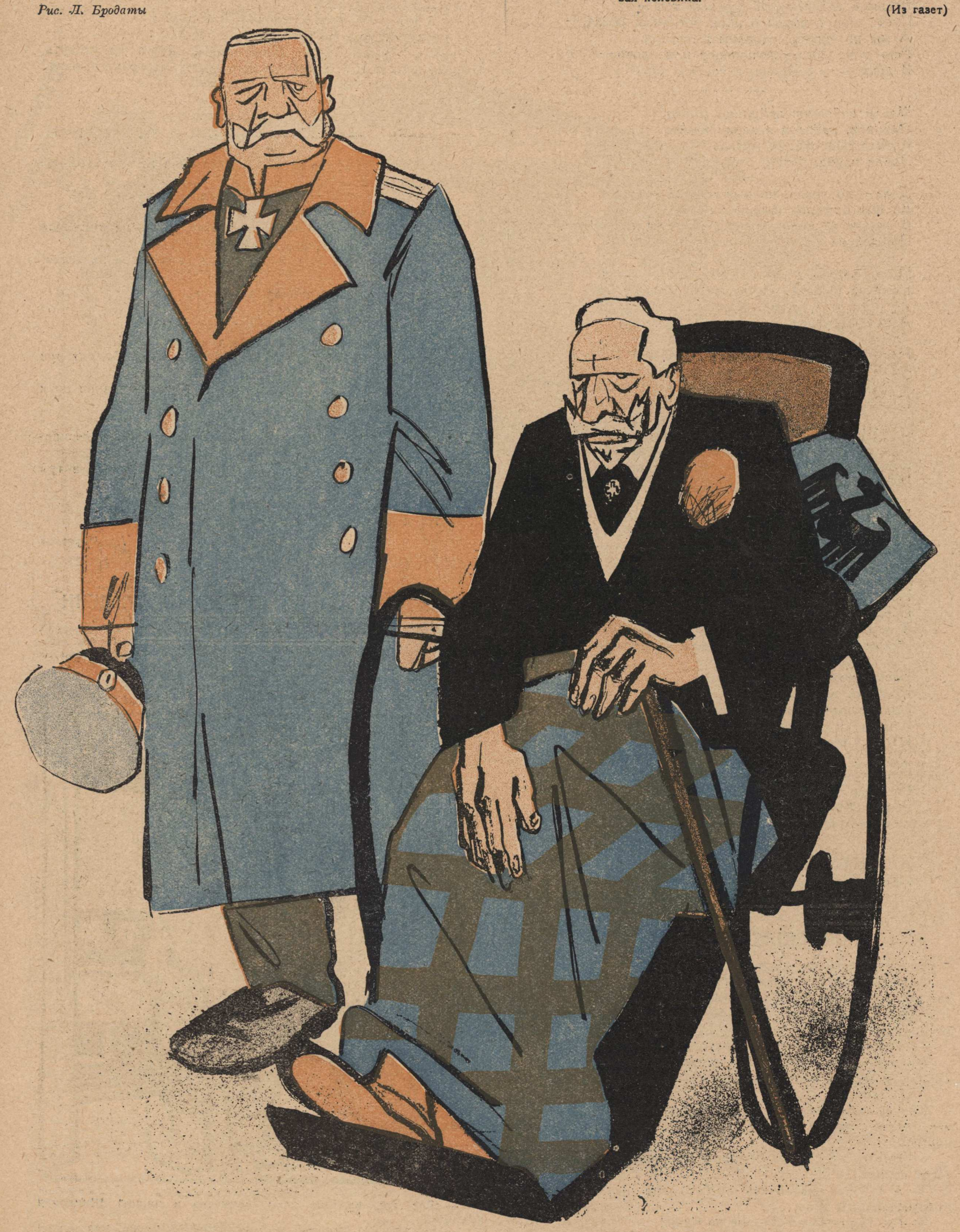
— Дура-голова! Не царское время! На народные деньги и потесниться можно!

ЗАПАСНАЯ ПОЛОВИНА

Рис. Л. Бродаты

Вследствие паралича у Вильгельма отнялась правая половина.

(Из газет)

Гинденбург: — Будьте покойны, ваше величество: я заменю вам вашу правую половину!

СПЕЦИАЛИСТ СВОЕЙ ПРОФЕССИИ

Частный торговец Егор Кузьмич Эксплоататоров прогорел. Его торговля, несмотря на свою самую благонамеренную вывеску, — «Красная Галантерея», — не смогла бороться с плодотворной деятельностью кооператива и была закрыта. Продавцы, кассирши и другие служащие Красной Галантереи остались без места.

Остался без места и приказчик Аполлон Карпыч Бабочкин. Однако, он не унывал:

— Это-с значения не имеет, — улыбаясь, говорил он. — Которым другим, может, и трудно место сыскать, а я при галантерее с малых лет и свою профессию всегда могу осуществить. Теперь какой приказчик пошел? Одна сатира, а не приказчик. Вчера он кондуктором на трамвае ездил, либо дворником был, а сегодня галантереей занимается, какое уж у него может быть обращение? Никакого. Есть, конечно, которые из офицеров или какие-нибудь секретари министерства Особых Поручений — те обхождение с дамами понимают, а все не то, что я — психолог своей специальности на манер французского писателя Монпасана: я кажного покупателя наскрозь вижу, и знаю кому что. И чтобы при всем этом я себе не нашел применение моей специальности? Пустяки-с, не может быть.

Однако, куда Аполлон Карпыч ни обращался, его везде встречал отказ за отказом. Тут было полно, там торговля дышала на ладон и было не до новых приказчиков, а здесь, под именем артели, служили исключительно племянники, братья, свояченицы и прочие родственники хозяина.

Время шло. Наконец, после долгой канители и хлопот, Аполлон Карпычу удалось получить место приказчика... в лавке гробовщика.

Но он не унывал.

— Мне-с это безразлично: была бы лишь торговля, а покупатель везде один и тот же. Сегодня он галантерею покупает, а завтра гробом интересуется. И я всякого покупателя наскрозь вижу, — кому что. Покупатель от меня не уйдет.

На другой день Аполлон Карпыч побрился, расчесал капульчиком редеющие волосы, завязал бантиком пестренький галстучек и в чистеньком разглаженном пиджачке стоял за прилавком.

Его окружали гроба, венки из крашенной жести, траурные ленты разнообразные эмблемы смерти — все эти неизбежные принадлежности похоронных процессий, — но он, не замечая мрачной обстановки, с профессионально-приятной миной терпеливо ждал покупателя.

Дверь отворилась, и в лавку вошел мужчина мрачного вида.

— Здравствуйте, — буркнул он, со страхом озираясь на гроба.

— Мое почтение, — засиял любезной улыбкой Аполлон Карпыч. - Давно не изволили у нас быть. Верно, в другом месте покупали?

— Нигде я не покупал, — удивленно покосился вошедший, — первый раз в жизни приходится.

— И не в последний, будьте уверены-с. Кто у нас купил, хоть раз, всегда останется нашим постоянным покупателем, потому у нас товар — первый сорт: дешево, прочно и элегантно. Чем могу-с служить?

— Гроб мне надо.

— Какой прикажете? Мужской? Дамский? Детский, дошкольного возраста? — Расшаркивался Аполлон Карпыч.

— Теща умерла.

— Теща? Очень приятно-с. Могу вам предложить специально для тещи вот этот гробик. Прошу посмотреть.

Аполлон Карпыч выдвинул из угла лиловый гроб и с шиком откинул крышку.

— Ярок очень.

— Помилуйте-с, нисколько не ярок. Самый модный цвет для пожилой дамы. Ежели для вас самих, тогда я предложил бы вам, как челове у интеллигентному, коричневый, под дуб, солидный, а-ля кабинет. Служащие в учреждениях нынче предпочитают красный гроб, а для тещи лучше лилового не найдете. Советую взять. Берут нарасхват. Завтра может не остаться.

Покупатель недоверчиво косился то на гроб, то на улыбающегося Аполлона Карпыча.

— Этот гроб будет мал.

— Этот мал-с? Ничего подобного-с. Самый удобный размер. Ежели сомневаетесь, можете примерить, — подскочил Аполлон Карпыч.

— Зачем я буду мерить? — шарахнулся от него покупатель. — Не мне гроб, а теще.

— Не извольте беспокоиться: если вам подойдет, так вашей родственнице будет в самый раз, потому оне, как дама, должны быть много миниатюрнее.

— Моя теща пудов на шесть будет.

— Тогда, простите, вы желаете двухспальный гробик-с? А таких мы готовыми не держим... — огорченно заметил Аполлон Карпыч и закрыл гроб крышкой. — Придется на заказ. Проволочка времени и много дороже. Я рекомендовал бы вам все же взять этот. Не раскаетесь. При настоящем режиме экономии вашей родственнице, конечно, придется немного потесниться, но в этом гробе можно свободно поместить двух тещ, среднего размера. Прикажете завернуть?

— Нет, я поищу в другом месте! — и покупатель направился к выходу.

— Виноват-с! — остановил его Аполлон Карпыч, — обращаю ваше внимание на изящество отделки: — просто и красиво, заграничный фасон.

— Не надо мне — сердито отмахнулся покупатель.

— Виноват-с! Членам кооперативов значительная скидка. А если возьмете несколько штук, могу вам, гражданин, еще уступить.

— Да куда же мне несколько штук? что я с ними буду делать?

— Про запас. В хозяйстве всегда пригодится.

— Типун бы вам на язык! Провалитесь вы с вашими гробами! — сплюнул покупатель и хлопнул дверью.

— Ушел. Чтобы от меня покупатель ушел? Это первый раз. Ну, и народ. Верно, у самого в кармане одна блоха на аркане, а тоже по магазинам шляется. Товар разроют, а покупать не на что. Им развлеченье, а приказчику одно беспокойство...

Аполлон Карпыч сердито поставил лиловый гроб на место. Вынул зеркальце. Поправил прическу и, вернув на огорченное лицо профессионально приятную улыбку, опять стал ждать покупателя.

Ник. Урванцов

ПУТЕВЫЕ МЫСЛИ

1. Не думай, что железнодорожное полотно это та мануфактура, которую спекулянты возят из Москвы в Ленинград.

2. Между налогоплательщиком и поездом большая разница, а именно: приходом поезда финотдел не интересуется, а приходом налогоплательщика — интересуется весьма.

3. Если поезд сошел с рельс, то не думай, что это из-за вежливости машиниста, пожелавшего уступить место — встречному.

4. Зайчик на стене, — не родственник желдорожному зайчику. Первый — всегда там, где солнце; второй же предпочитает оставаться в тени.

5. Если ты безбилетный пассажир, то не забирайся в вагон для некурящих, ибо тебя все равно выкурят.

6. Между пьяным пассажиром и пирожным на желдорожном буфете большое сходство: оба всегда под мухой.

М. К-ий

НАРУЖНОЕ

Рис. Б. Антоновского

За границей применяется способ лечения красками. (Из газет)

— Ну, такой дом красками не вылечишь, только болезнь внутрь загонишь!

Рис. А. Радакова

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ

Под Севастополем в Инкерманской долине на праздники „св Троицы“ происходят грандиозные гулянья, длящиеся несколько дней и кончающиеся побоищем, в результате которого остается ряд убитых и тяжело раненых. (Из газет)

Ах вы, гой еси,
Люди добрые!
Расскажу я вам
Быль, само собой:
Про дружинушки
Про хоробрые
И про тот ли наш
Инкерманский бой.
Поутру было
В этом годике,
В славном городе
Севастополе—
Шли по морюшку
Пароходики,
Они шли—прошли,
Хряли—топали;
А везли они,
С разных двух концов,
Располным-полно
Всякой публики—
Стариков, юнцов,
Удалых бойцов,
Удалых бойцов
Крымреспублики:
На войну ли ту
На жестокую—
Не гражданскую,
Не германскую—
Во долинушку
Во широкую,
Во широкую
Инкерманскую.

Закружилися
Стаи плавные,
Стаи плавные—
Черны вороны,
Как делилися
Рати славные
На две равные
Силы—стороны.
Поделившися,
Похвалялися;
Похвалившися,
Распалялися;
Распалившися,
Засучалися;
Засучившися,
В бой помчалися.
Гнулись спинами,
Перли звеньями:
Кто с дубинами,
Кто с каменьями,
Где—бутылица,
А где—палица;
Этот хилится;
Этот валится;
Старики-деды
Дрались с шкетами.
На дедах следы—
Все кастетами.
Небо страх объял,

И земля дрожит...
Кто стоймя стоял,
Тот лежмя лежит.
Показал боец
Свою силушку,
А пришел конец—
Лег в могилушку.
Сколько мятых шей!
Тел задушенных!
И носов, ушей
Пооткушенных!
Целый день в бою...
Стон колышится...
„Ах ты, мать твою“—
Всюду слышится.
А при чем тут мать?
Что за правила!
Не она же рать
В бой отправила
На войну ли ту
На жестокую—
Не германскую,
Хулиганскую,
Во долинушку
Во широкую,
Во широкую
Инкерманскую,
Где юнцов-шпаны
Больше слопали,
Чем за год войны
В Севастополе!

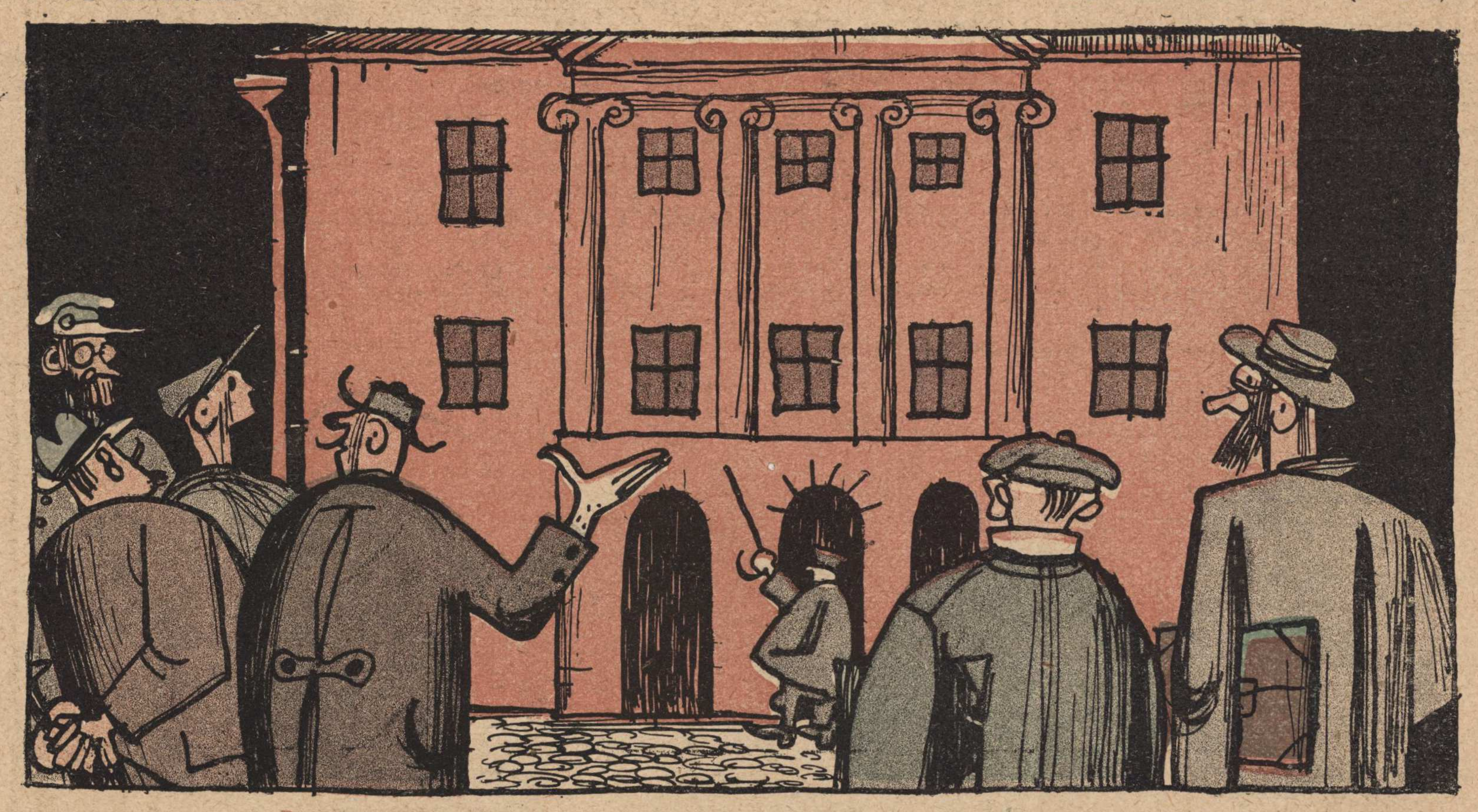
Владимир Воинов

ТРИ ПЕРИОДА

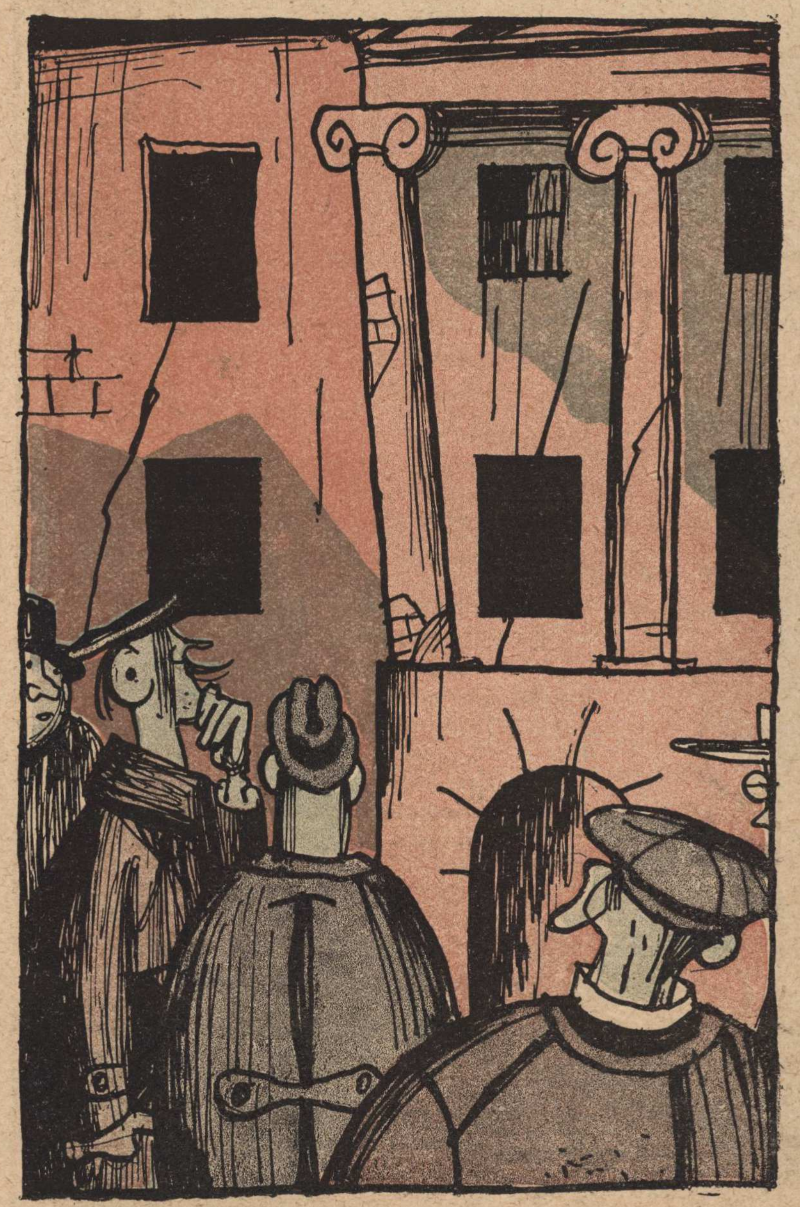
Губоткомхоз Ленинграда отправил в распоряжение комиссии по разгрузке Москвы список зданий, которые могут быть предоставлены московским учреждениям.

Периодически приезжающие в Ленинград члены комиссии знакомятся с состоянием зданий. (Из газет)

Рис. Б. Малаховского

Период 1-й: — Ну, что-ж, домичек ничего. Познакомимся.

Период 2-й: — Эге! наш знакомый, при ближайшем рассмотрении, не тово...

Период 3-й: — Мальчик! Тут стоял дом. Где-ж он? Мы были с ним так близко знакомы...

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

НЕСЧАСТНЫЕ СЧАСТЛИВЦЫ

Существует в г. Александрии, Кременчугского округа, „*Счастливское С.-Х. Товарищество*“. Однако, счастием счастливцы похвастать не могут. Уж очень обидчив у них сельсовет и всячески тормозит работу! Впрочем, и счастливцам не везет по части трезвости. В „Коммунисте“ рассказывается о том, как Сельсовет обиделся на неявку членов т-ва на заседание Сельсовета. Желая загладить вину, товарищество пригласило сельсовет на свое заседание. В итоге получился протокол:

«Пятого сего месяца, в 8 ч. вечера, состоялось об'единенное заседание счастливского сельхозтоварищества, на которое были приглашены от сельсовета и других организаций. В зале было несколько человек из граждан, из коих несколько пьяных. Было предложено председателю правления, почему на заседании присутствуют пьяные. При продолжении работы пьячые проводили работу и начали блевать на стол и по залу, после чего началась в зале драка чем было опрокинуто заседание. На основании вышеприведенного факта зал заседаний сельхозтоварищества был как ни-как зал заседания, а как в виде какой нибудь распивочной, из чего можно заключить, что канцелярия сельхозтоварищества не как учреждение советского строя, а дом сбора, гулянья и драки пьяных, о чем постановили составить настоящий акт».

Сельсовет дуется, С.-х. товарищество дуется, а работа — ни с места!

Одно только название — счастливцы!

А блевать на кооперацию, граждане кооператоры, неудобно — блюйте на частный капитал!

СОЛОПИЙ ГРЕВИН И ДЖУЗЕППЕ ВЕРДИ

Харьковский „Коммунист“ сообщает занятный случай из хроники провинции:

В Кременчугском оперном театре висел во время оно занавес: два белоснежных лебедя на озере. Над озером задумчивая девица с лирой в руках. Вот и все. В эпоху военного коммунизма по чьему-то распоряжению девица срочно была превращена в усатого кузнеца, лира в молот, лебеди в наковальню. Кузнец бил молотом по наковальне и выбивал искры-слова: «Мы, на горе всем буржуям, мировой пожар раздуем».

Прошел военный коммунизм. Пришел Нэп. Кузнеца переработали обратно в девицу, молот в лиру и наковальню в лебедей. Казалось, все вернулось на свое место, но Кременчугскому Махор-Тресту пришла в голову блестящая идея. Узнав, что оперный театр сдает трестам занавес под рекламу, махорщики уплатили 50.000 рублей и вновь злосчастную девицу пустили на переработку. Девица превратилась в Солопия Гревина в сапогах с огромной дымящейся люлькой в зубах. Лебеди исчезли. Изо рта Солопия вылезли веселые реклам-стишки:

«Истинных курильщиков настойчиво просим:
«Курите махорку номер восемь!».

С тех пор Аиду шпарят под солидную рекламу, и Солопий Гревин дымит махоркой под божественные звуки старого Верди.

ВАРЯГИ ИЗ ЦЕНТРА

Т. Мих. Рогов в „Правде Востока“ рассказывает занятные вещи о том, как работает некое учрежденьице, именуемое Россредаз (Россия+Средняя Азия?)

I

Секретариату Россредаз'а понадобился опытный канцелярист. Думали, гадали, — обратились в Москву. Нашли в Моск. Представительстве гражданку Каплан. Так, мол, и так, не угодно ли в Самарканд прокатиться? Мягкий вагончик, то да се, вообще за червонцами не постоим.

Поехала гражданочка, побыла 2 месяца, квалификации не проявила и уехала, заработав 751 руб. 39 коп.

II

Опять же тошно стало бухгалтерии россредаза. Нужен бухгалтер. Опять в Москву. Пришли к гр. Завенскому: так, мол, и так, — не угодно ли в Самарканд прокатиться? Суточные, под'емные, мягкий вагончик — вообще за червонцами не постоим. 400 рублей под'емных, 270 руб. суточных, не считая 78 рублей на проезд, итого 748 руб. — хоть сейчас получите.

Поехал. Проработал 2 недели и уволился. Такой нехороший гражданин. Неблагодарный.

Думаете, конец? Напрасно!

III

Нужен был Наркомзему шофер. Выписали товарища из Москвы: подъемные+суточные+двойной оклад на 3 месяца. И представьте, — честный оказался парень: *не надул и продолжает работать.*

А в Самарканде ходит собственный безработный элемент и зубами щелкает. К новому году авось режим экономии из центра до Самарканда докатится. Поживем — увидим.

ВЕРХ БЕРЕЖЛИВОСТИ

Верх бережливости, по словам „Кр. Знамени“ (Краснодар), проявила одна замечательная личность:

Один из хозяйственников на стеклозаводе им. Рыкова распорядился снять громоотвод, бывший на заводской трубе. Сняли. Снялся и хозяйственник.

Ну, вот видите! Есть всетаки такие верха экономии, куда ни один хозяйственник поднять не сумеет. Свалится, подлец, в сокращение штатов. Никакая рука не поможет.

ОДНООБРАЗИЕ

В „Ленингр. Правде“ читаем:

„С'ЭКОНОМИЛ“.

По сокращению штатов зав. центр. клубом Окт. ж. д. им. Зиновьева уволил квалифицированную конторщицу Базину, а на другой день принял на ее место другую, никогда не работавшую по этой отрасли.

И как это людям не надоест каждый день писать об одном и том же! Удивительно!

ОТ ГВОЗДЯ ДО ШПАГИ!

Рис. Н. Р.

— Ишь ты, как он ловко шпагу глотает!
— Должно, на хлебе практиковался...

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

Газета „Труд“ с прискорбием сообщает, что

на Пятигорском кишечном заводе рабочие выходят на работу по солнцу и бросают, когда оно за Машук сядет...

Не понимаем. Это, значит, в хорошую погоду. Ну, а в плохую, когда солнце за облаками? Тогда как?

Не иначе, как завод совсем станет.

Поистине, счастливые часов не наблюдают.

ПРОПАДАЮЩИЕ ПРОФ-ТАЛАНТЫ

Начальник Вознесенской (по Украине) милиции — один из таких талантов. Его бы по профлинии пустить — орлом бы взмылся под облака!

Вот какую, например, справочку выдал сей муж:

СПРАВКА.

Дана настоящая гражданке Муравской Валентине Ульяновне в том, что препятствия со стороны Вознесенской милиции для вступления в Рабис и выполнения ею всех профсоюзных обязанностей не встречается.

Этого начальника спросили как-то:

— Почему вы вмешиваетесь в работу профсоюзов, „не находя“ или „находя“ препятствия для вступления граждан в проворганизацию? Разве это ваше дело?

— Ты? Это? Где? Находишься? — поднялся начальник со стула — Здесь! Тебе! Не Москва!

Больше его не беспокоили ненужными вопросами...

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ.

Газета „Коммуна“ меланхолично сообщает, что

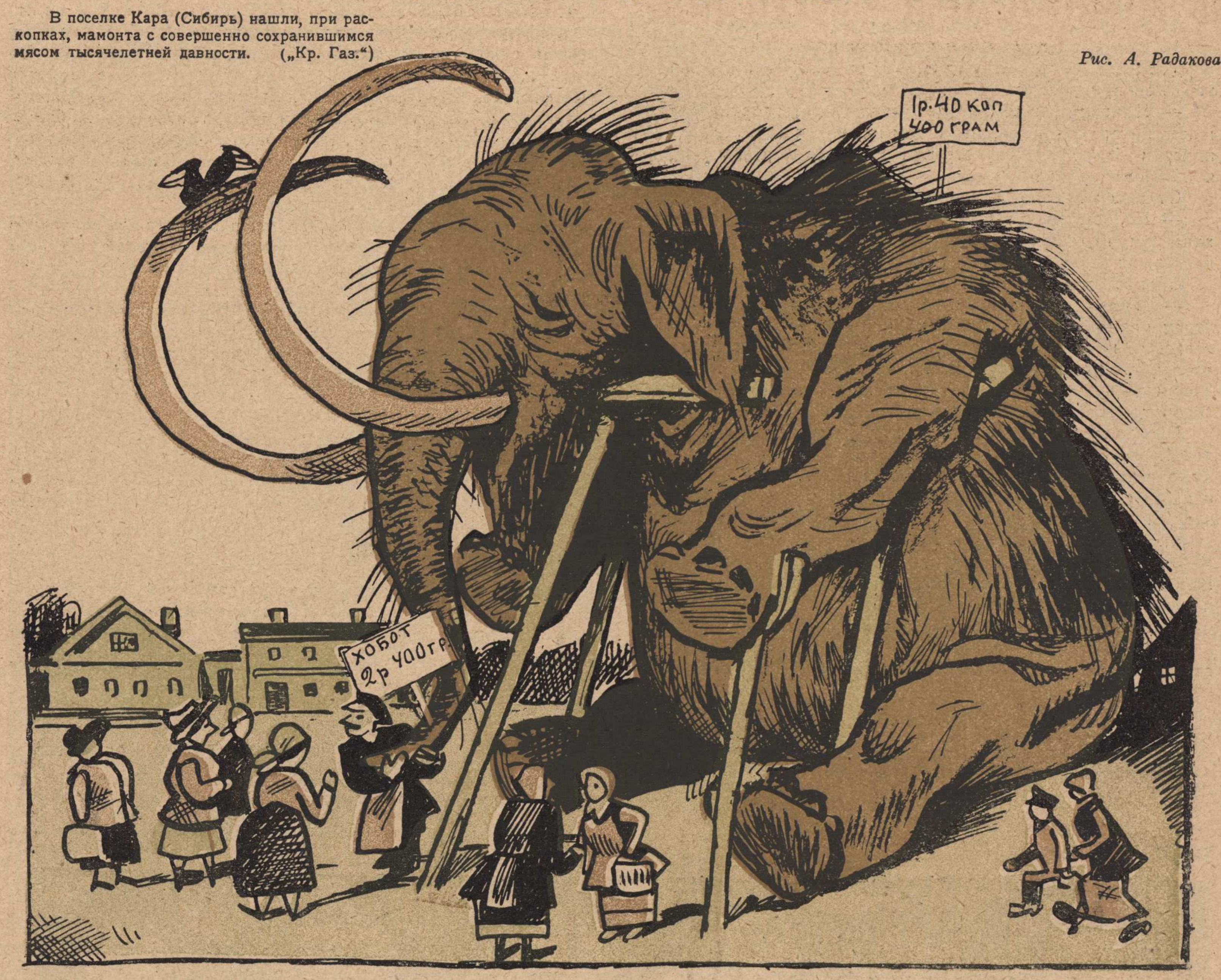
в Мещовской ветлечебнице трупы собак и других животных после вскрытия выбрасываются во двор. Куча собачьих трупов гниет и от нее несется не совсем приятный запашок.

Единственный способ борьбы с этим злом: начните, граждане, собак вешать на администрацию!

СОН ЧАСТНИКА

В поселке Кара (Сибирь) нашли, при раскопках, мамонта с совершенно сохранившимся мясом тысячелетней давности. („Кр. Газ.“)

Рис. А. Радакова

— Берите, гражданка, покуда не расхватали. Мамонт, могу сказать, первый сорт-с. Самое свежее-с мясо, не то, что в кооперативе, где по трое суток лежит.

ШУТКА

(Провинция)

Улица, на которой живет Опенкин, называется улицей Солнца Свободы.

Однажды Опенкин дьявольски усмехнулся, взял открытку, сел за стол и написал:

— Дорогой дядя! Я сейчас живу в Курьем Городке. Как вы себя чувствуете? Когда же мы увидимся? Ваш Никеша.

На адресе он написал очень четко аршинными буквами:

— Москва. Высший Совет Народного Хозяйства. Председателю.

Через неделю он послал вторую открытку.

— Дорогой дядя! Я жив и здоров и радуюсь курьегородскому строительству, — здесь проводят новую трамвайную линию, но, к сожалению, трамвай почему-то обошел улицу Солнца Свободы. Даже странно. Целую. Ваш Никеша.

На адресе он нарисовал очень четко аршинными буквами:

— Москва. Высший Совет Нар. Хоз. Председателю.

Эта шутка забавляла его только месяц. А потом он затосковал и пошел в Коммунальный Отдел.

Пришел к главной шишке и сказал ей:

— Вы перепланировали трамвайную линию и теперь собираетесь проложить рельсы и по нашей улице?

— А как называется ваша улица? — спросила шишка.

— Улица Солнце Свободы.

— Да, по этой улице тоже пойдет трамвай.

— Слушайте, на почте разбирали корреспонденцию и хлопали по ней штемпелями. И, вот, доходит очередь до открытки, на которой все сделано так, чтобы на нее обратили внимание, — вместо одной марки в три копья, — целых четыре копеечных, наклееных в четырех углах и адрес, написанный аршинными буквами не вдоль, а поперек открытки. Слушайте, — как можно было попасться на такую прозрачную удочку?

— Значит, открытку писали вы?

— Я.

— Вы думаете, что я попался?

— Я уверен в этом. Трамвай-то пойдет по улице Солнца Свободы?

— Да.

— И пойдет потому, что...

— Потому, что я переселился на эту улицу. Да, да, да и да. Посланная вами открытка была чертовски кстати.

— А открытка пошла? — хрипло спросил Опенкин.

— А как же? Какое мы имеем право задерживать частную корреспонденцию?

Евграф Дольский

ИГРА В ПРЯТКИ

О, гражданин! Ты мог бы встретить
На рынке белого слона;
Ты мог бы в хронике отметить:
„Налоги взысканы сполна“.

Ты мог бы сносное жилище
Найти случайно, как-нибудь.
Ты мог бы месяц жить без пищи
И тем природу обмануть.

Да мало ли какое дело,
Похожее на волшебство,
Ты мог бы выполнить умело...
Но ты не мог бы одного:

Найти такого, кто на краткий
Вопрос судьи: — Вы брали взятки? —
Сказал бы правду: — Брали мы! —
А не хитрил, играя в прятки:
— Что?! Взятки?! Вздор! Какие взятки?!
Я брал... но только брал „взаймы“...

Д. Ц.

ОБИЖЕННЫЙ

Старичок военного типа, сухолицый, с жесткими седыми усами, постучал мундштуком папиросы по крышке деревянного портсигара с потертым изображением скачущей тройки, не торопясь прикурил, и начал:

— Нынешней жизнью может удовлетвориться тот, кто в прошлом ничего не имел, кто и при царе, как сказал поэт, „На паперти божьего храма стрелял из кривого ружья," или у Филиппова куски накаливал.

Старичок хрипло откашлялся и продолжал:

— Но, поскольку, скажем, я имел квалификацию, работал по халтурам и старостил в Коломенской части, то для меня настоящая эпоха не что иное, как безвременная могила.

Он протяжно вздохнул:

— М-да... Пожили в свое время не пыльно. Бывало так: утром прямо с гопа от Макокина или из Тру-ля-ля (другими словами, из ночлежки дома Трудолюбия), залетаешь в чайнушку, требуешь газету: „Где, мол, сегодня халтура?" „Новое Время" — лучшая была халтурная газета. Кого, где и когда хоронят — всегда в ней обозначено.

Прочтешь, топаешь на кладбище. Думаете: воровать? Ничего подобного! Были и среди воров тоже халтуристы—это верно, ну, а я честно: „На помин, мол, души"... Да... А потом к купцам, к вдовам-купчихам. К ним—с разбором. К Лисенкову, к дровянику, ходить считалось позором — по копейке давал, падла! Да еще балаганщик Куликов, скупердяй был. К ним только шпана наведывалась! Лучше же всех лабазник Башкиров. Он, как и нижегородский Кокорев, по двугривенному откатывал.

Старичек сделал три коротких затяжки и сплюнул окурок:

— Обойдешь купцов — пообедаешь, протреплешься до вечера в чайнушке. А попозже: к Палкину, в „Медведь" или к Донону, когда вся аристократия с'езжается. Стоишь у под'езда, только головой киваешь — кланяешься. Швейцары не отгоняли — на процентах у нас они состояли. А у Палкина даже фараон один там и тот всегда двугривенный требовал. Но главная статья — старостить в части. У старосты все на свете: карты, водка, табак (по нашему, по-старинному: святцы, гомыра, смола). За сороковку берешь рубль, за игру — коп. с банка, за цыгарку — 2-3 коп., в зависимости от бюджета покупателя.

В Коломенской нас старостило трое: Бурда-Павлушка, Сенька-Быкодой да вот я, Егорка-Градоначальник. Может, слыхали? Старостили в строгом порядке.

Скажем: Бурда завтра кончает срок высидки „за нахальное прошение милостыни". Значит, накануне Быкодой идет на Сенную, у торгового дома Спехина „садится на якорь", т.-е., по-турецки, как Магомет, и накаливает в голосе.

А против Спехина — постоянный пост околоточного и городового. Ну, понятно, заметают. 3 месяца „за нахальное прошение". А потом, перед выходом из части Быкодоя, я, Градоначальник, сажусь на якорь.

Так посменно старили. Да, житьишко было клевое!

А теперь?

Старичок заморгал глазами:

— Теперь я, с 918 года кем только не был: под слепого работал, под инвалида империалистического, под инвалида гражданского, пел по дворам, целыми днями просиживал на якоре, ползал по всем главным улицам Ленинграда. Но чтобы получить работу по специальности — этого не удалось и не удается.

А кричат: промышленность выше довоенной, Волховстрой, на северный полюс летаем. Но почему я, спец, должен не жить, а ползать, как беременная вошь, по мокрой плеши? Обидно-с!

Василий Андреев

АГИТАТОР

Гармошка — сильнейший агитатор, а гармонист — организатор досуга молодежи. Тот, кто держит в своих руках гармонь, неизбежно влияет на молодежь. Начинание Серпуховского и Московского у., которые учли всех гармонистов комсомольцев по уезду и проводят с ними специальные совещания, надо распространить на весь СССР. („Комсом. Правда")

Рис. Б. Малаховского

— Ишь до чего забористо выводит! О чем это он?
— Должно, о промеждународном положении играет.

ВЕРХ ХУЛИГАНСТВА—

Рис. Н. Радлова

— СТРЕЛЯТЬ ИЗ РОГАТКИ И БРОСАТЬ КАМНИ В ЯДРО, УНОСЯЩЕЕ НА ЛУНУ НАУЧНУЮ КОМИССИЮ.

ОБНОВЛЕННЫЙ ПУШКИН

В твои стихи, бессмертный Гений,
Умолкший на рассвете дней,
Позволь для новых поколений
Влить содержанье помодней!
Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит, —
В глубокой мгле таится он.
Нет нужды, — прав судьбы закон...
Паду ли я, гвоздем пронзенный,
Откушав хлеба невзначай,
Иль мне впотьмах подсунут в чай
Кусок стекла определенный,
Иль ты, мороженщик-злодей,
Меня убьешь стряпней своей...

Иль соком роковой отравы,
Юдоли сокращая срок,
Угомонит любимца славы
Любой кондитерский пирог.
Иль в пьяной глубине стакана
Я вдруг увижу таракана, —
И на потеху всей пивной
Безумье овладеет мной...
Иль в час, когда к съестной усладе
Зовет внимательный брегет, *)
Паду я жертвою котлет,
Сготовленных на трупном яде...
Друзья! нисколько не ропщу —
Я гроб заранее ищу...

Ив. Прутков

*) Так назывались часы во времена Пушкина.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Выписка из приказа № 60 по издательству „Красная Газета“ от 30 с. июня, подписанного некими Бойтманом и Рымшаном (Да будут прославлены во веки эти бессмертные имена!).

..... С 1 июля устанавливается следующий порядок:

1. Ни один служащий не имеет права отлучаться из комнаты отдела без разрешения зав. отделом.

2. Хождение из отдела в отдел строго запрещается.

3. Для связи с отделами использовать телефоны и уборщиц.

4. Последним вменяется в обязанность обходить каждые 15 минут каждый отдел и забирать все необходимое для исполнения и передачи в соответствующий отдел.

5. Во избежание задержек обходящих комнаты уборщиц—каждому отделу иметь 2 разноцветных папки, из которых одна—(зеленая) предназначается для складывания бумаг в отдел, а синяя — идущих из отдела. Папки лежат на столе у определенного сотрудника, к которому и обращается дежурная уборщица.

6. Виновные в неисполнении сего будут подвергнуты взысканию согласно действующих правил.

7. Настоящее распоряжение зав. отделами объявить всем служащим под расписку.

Значит, чтобы выйти из комнаты (мало ли по каким делам *необходимо* выйти!) следует докладывать заву; чтобы взять или отнести справку в соседнюю комнату, нужно „пользоваться телефоном“ или ждать очередного рейса уборщицы, вместо того, чтобы пройти самому и сделать что надо.

Вот так рационализация производства! Вот так организаторская сметка! Впрочем, недаром же говорят о некоторых хозяйственниках, что они тем и отличаются от хороших организаторов, что *не ставят* дело, а *кладут* его на обе лопатки.

*

Пишет-пишет беллетрист, работает над собой, в люди выбивается, роман „Цемент“ в свет выпускает, книгу читатели хвалят,—и вдруг состояние автора омрачается этаким отзывом о романе „Цемент“:

Кто не знает песенку «Кирпичики»? Эта небольшая песенка превратила тему о восстанавливающемся заводе в законченный и ходячий сюжет. Гладков в своем романе разработал ее подробно и углубленно.

Так „отзывается“ Н. Юргин в газете „Комсомольская Правда“.

Как известно, автор „Кирпичиков“— Герман. Прочитает он рецензию Н. Юргина и потребует от автора романа „Цемент“ — во - первых: часть гонорара и во - вторых: на титульной странице книги „Цемент“ напечатать следующее:

„Роман Германа. Аранжировка — Гладкова“.

*

Некий К. К. в „Кино - Газете“ (21) пишет в рецензии о какой-то картине:

В картине еще хорош негр: он вращает своими белками с большим знанием дела.

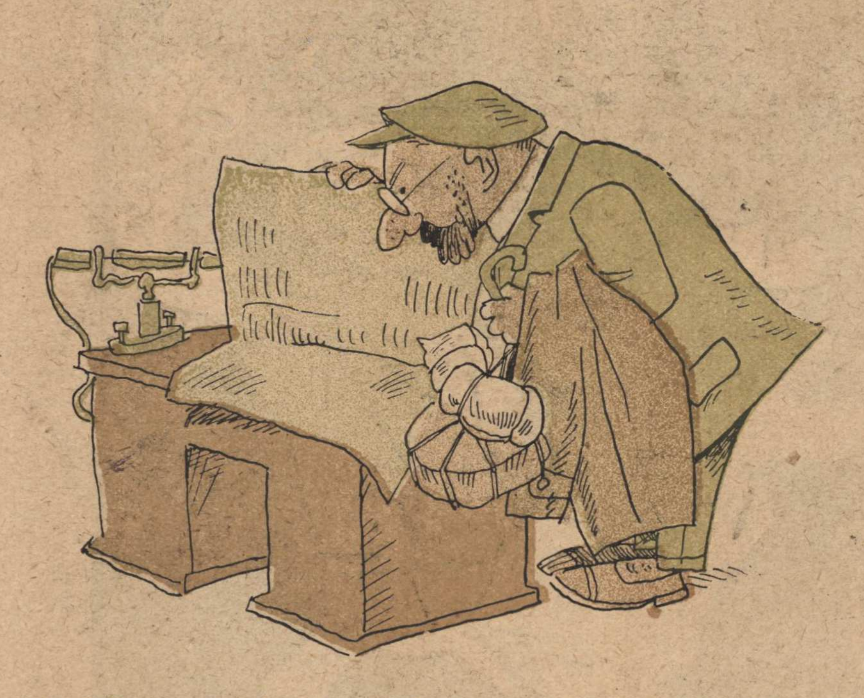
Пожалуй, что белками вращать — и впрямь нужно большое знание дела: во всяком случае, большее, чем писать неграмотные рецензии о неграх.

Издатель „ГУДОК“. Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

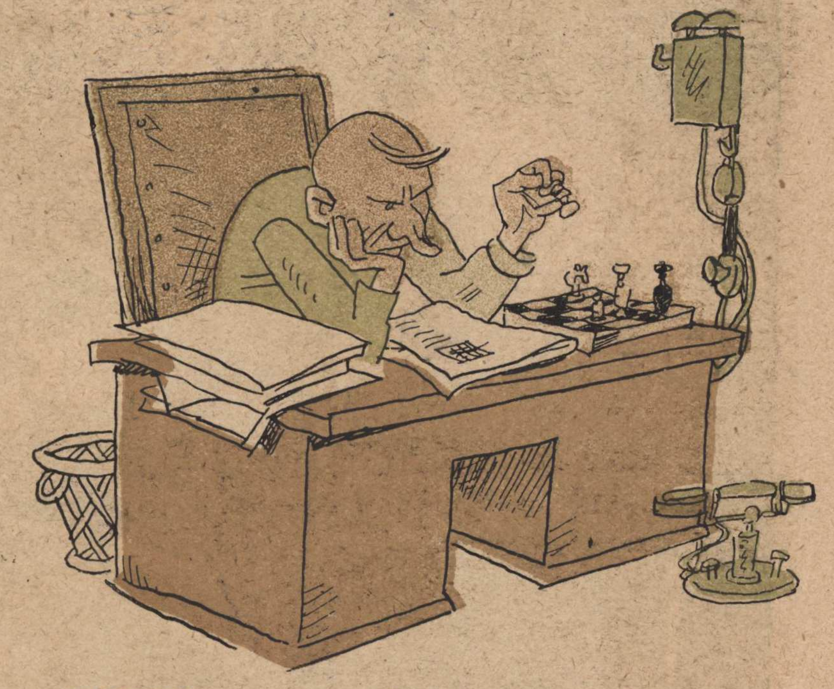
Ленинградский Гублит № 19544. Гос. тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14. Заказ № 3421. Тираж 80.000.

Рис Б. Антоновского

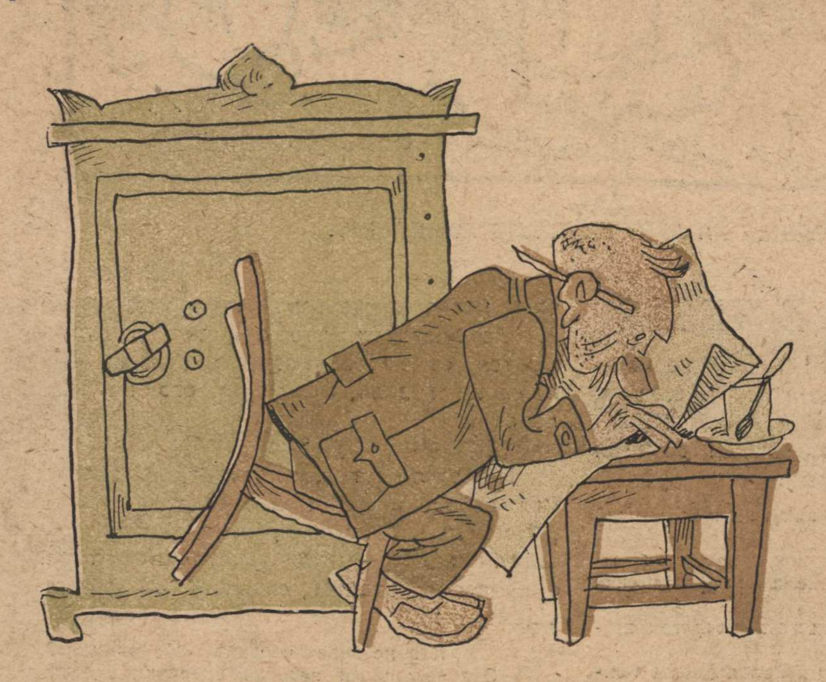
КАК ЧИТАЮТ ГАЗЕТУ В УЧРЕЖДЕНИИ

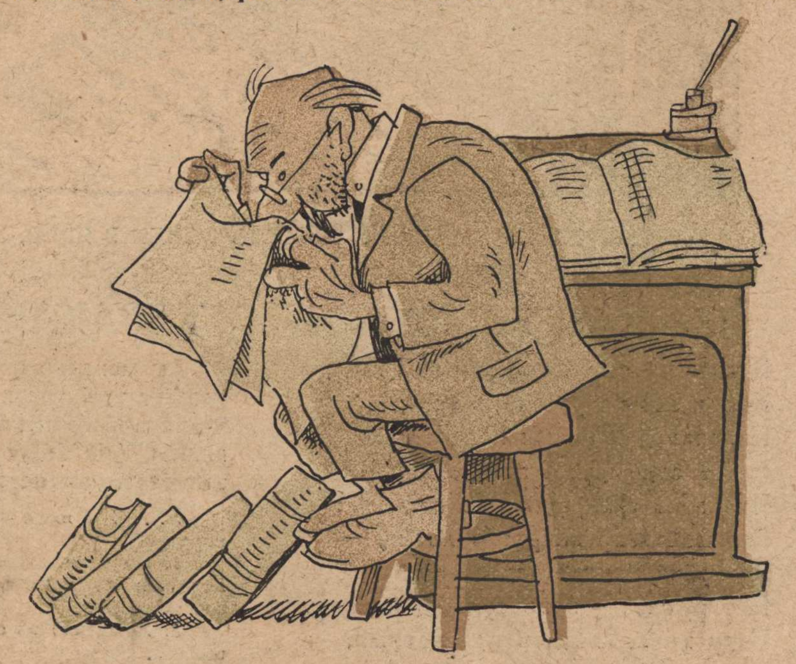
ЗАВ — читает к концу рабочего дня, живо интересуясь расписанием дачных поездов.

СЕКРЕТАРЬ — каждую свободную минуту заглядывает в шахматный отдел, решая сложные задачи.

КАССИР — с захватывающим интересом глотает судебные отчеты.

БУХГАЛТЕР — лихорадочно просматривает „Бега".

МАШИНИСТКА — изучает „Сегодня в кино".

И только КУРЬЕРША аккуратно и не торопясь читает передовицу.